

<https://doi.org/10.19195/0137-1150.173.3>

Data przesłania artykułu: 31.08.2019

Data akceptacji artykułu: 15.11.2019

OLGA FROLOVA

Moskiewski Uniwersytet Państwowy im. M. W. Łomonosowa, Rosja

Память и забвение в повести Андрея Платонова *Котлован*

Память является важным и актуальным мотивом произведений литературы и искусства. Нам важна семантика памяти и осмысление механизмов памяти в литературном тексте, отражающем и выражающем исторически сложившуюся модель взаимодействия человека, общества и государства.

Психологи определяют понятие *память* как „запоминание, сохранение и последующее воспроизведение индивидом его опыта”¹. По характеру психической активности, преобладающей в деятельности, память делят на двигательную, эмоциональную, образную и словесно-логическую; по характеру целей деятельности — на произвольную и произвольную; по продолжительности закрепления и сохранения материалов — на кратковременную, долговременную и оперативную².

Словарь Дмитрия Николаевича Ушакова первой половины XX в. определяет *память* как:

1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления || Запас хранимых в сознании впечатлений. 2. Воспоминание о ком-чем-н. 3. Церковная служба, установленная на известный день в честь какого-н. святого, а также самый этот день (церк.). || Поминание умершего в день его смерти, а также самый этот день (разг. церк.)³.

Еще два значения мы не приводим, поскольку они даны с пометами *устаревшее* и *старинное*.

¹ Т. П. Зинченко, *Память в экспериментальной и когнитивной психологии*, Москва–Харьков–Минск 2002, с. 306.

² Б. Мещеряков, В. Зинченко, *Большой психологический словарь*, https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/15.php [доступ: 24.07.2019].

³ *Толковый словарь русского языка*, ред. Д. Н. Ушаков, т. 3, Москва 1996, с. 29.

Словарь начала XXI в. в своей интерпретации повторяет формулировки двух первых значений, предложенные Ушаковым, но добавляет чрезвычайно важное, с нашей точки зрения, третье значение: „Способность осмысленно воспринимать окружающее, отдавать отчет в своих поступках, чувствах; сознание”⁴. В объяснении значений глаголов *помнить*, *вспомнить* словари апеллируют к ключевому понятию — *памяти*.

Итак, *память* — это способность сохранять в сознании информацию и впечатления, образ кого- или чего-либо. Современный словарь приравнивает память к сознанию. С нашей точки зрения, в данном толковании чрезвычайно важной является связь памяти с *ответственностью*, поскольку именно так можно интерпретировать формулировку „отчет в своих поступках и чувствах”. Показательно, что лексикографические источники не уточняют характер субъекта: но по умолчанию он либо антропоморфен, либо зооморфен. Способностью помнить и забывать обладают высокоорганизованные существа, наделенные сознанием, однако рассказать о своих воспоминаниях, передав их другому, способен только человек. В семантике памяти важен и временной аспект, ориентированный на прошлое. Обращение к будущему связано с модальностью возможности и имеет независимые номинации: *предвидение* или *прогноз*. В русском языке существительное *память* порождает метафоры *держат в памяти*, *отбить память*, *стирать из памяти* и входит в состав многочисленных устойчивых идиоматических выражений *на память*, *по памяти*, *след в памяти* и др.⁵

Память существует на фоне беспамятства и забвения. И если память связана с хранением и сохранением информации и впечатлений, то забвение — с утратой.

Глаголы *помнить*, *вспоминать/вспомнить* и *забыть/забывать* являются переходными, двухвалентными: первая валентность субъектная, вторая — объектная. Память и забвение — субъективные и индивидуальные явления, если мы ориентируемся на субъект. О коллективной памяти можно говорить только в том случае, когда мы переносим акцент на объект, т. е. разные люди, участвовавшие в одном и том же событии, присутствовавшие при каких-то происшествиях, знающие о них из внешних источников, сохраняют в сознании одну и ту же ситуацию. Важно отметить, что при этом субъекты все же создают в своем сознании неповторимо индивидуальные образы объекта, даже если это объект один и тот же. Так же индивидуально и забвение, оно становится коллективным, как и память, если для говорящего важна ориентированность на один и тот же объект.

Память и забвение — не жесткое противопоставление. Воспоминания могут быть глубоко личными, связанными с семьей и близкими, а также ка-

⁴ Большой толковый словарь русского языка, гл. ред. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2000, с. 777.

⁵ См. Н. Г. Брагина, *Память в языке и культуре*, Москва 2007, [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(658\)blok%20Bragina.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(658)blok%20Bragina.pdf) [доступ: 24.07.2019].

сающимися эмоциональных переживаний человека, который вовлечен в какие-либо события. Но воспоминания могут быть и свидетельскими, лишь фиксирующими пребывание человека в определенное время в определенном месте. Память иного плана отражает владение субъекта какой-либо информацией, источником которой могут быть рассказы очевидцев или публикации СМИ. Разумеется, наличие или отсутствие эмоциональной вовлеченности и сопричастности нельзя не учитывать, когда мы говорим о памяти.

Мы хотели бы показать, как осмысляется концепт *память* в художественном тексте, т. е. как выражены два связанных друг с другом мотива памяти и забвения в повести Андрея Платонова *Котлован*, датированной 1930-м годом.

Сюжет повести Платонова отражает события социалистического строительства в городе и на селе, в частности, коллективизации. Отношения старого и нового мира требуют от героев и повествователя осмысления разрыва исторических эпох.

Для того, чтобы выявить мотивы памяти и забвения, мы поставили задачу определить частотность единиц, их выражающих. Анализ производился с помощью Национального корпуса русского языка, в который загружен текст повести Платонова. Мы задали в качестве единиц поиска несколько слов: 1) глагол *помнить*; 2) видовую пару *вспомнить/вспоминать*; 3) существительное *память*; 4) видовую пару *забыть/забывать*; 5) *забвение*.

Результаты поиска оказываются следующими: 1) в *Котловане* 17 употреблений глагола *помнить*, из них 6 с отрицанием, *вспоминать* — появляется 2 раза, *вспомнить* — 12 раз, *память* — 14 раз; 2) *забывать* — 3 раза, отрицательных конструкций с этим глаголом нет, *забыть* — 31 раз, из них 4 с отрицанием, *забвение* — 2 раза. Количественно *память* доминирует (43 вхождений) над *забвением* (38).

Вначале обратимся к группе *памяти*.

Механизмы памяти живы только для нескольких героев повести: Козлова, инженера Прушевского, Чиклина, малолетней девочки Насти. Это значит, что эти персонажи сохраняют в своем сознании образ старого мира, который для них связан с прошлым: семьей, родными, близкими, юностью.

Память сохраняет связи человека с его семьей и родом, что показано в сцене смерти Юлии и прощания с нею дочери Насти.

(1) Как ты только умрешь, то я никому не скажу, и никто не узнает, была ты или нет. Только я одна буду жить и **помнить** тебя в своей голове...⁶

Объекты памяти, связанные с родителями и юностью, выстраиваясь в цепь, обеспечивают психическое и эмоциональное единство человека. Так, инженер Прушевский сохраняет в памяти образ понравившейся ему женщины:

⁶ А. Платонов, *Котлован. Текст. Материалы творческой истории*, ред. Н. А. Грознова, Т. М. Вахитова, В. П. Муромский, М. А. Платонова, Санкт-Петербург 2000, с. 52. Далее в статье цитаты приводятся по данному изданию с указанием в квадратных скобках страниц.

(2) Однажды, давно — почти еще в детстве, — сказал Прушевский, — я заметил [...] проходящую мимо меня женщину, такую же молодую, как я тогда. Дело было, наверное, в июне или июле, и с тех пор я почувствовал тоску и стал все **помнить** и **понимать**, а ее не видел и хочу еще раз посмотреть на нее [с. 45].

Очень важны помещенные в один контекст глаголы *помнить* и *понимать*, которые возвращают нас к третьему значению, выделенному *Большим толковым словарем* — „способности осмысленно воспринимать окружающее, отдавать отчет в своих поступках, чувствах; сознанию”⁷.

Память тесно связана и с эмоциональной сферой:

(3) Как же нам быть, товарищ Чиклин, когда она придет? Чиклин ответил ему: — Ты ее почувствуешь и узнаешь — мало ли забытых на свете! Ты **вспомнишь** ее по одной своей **печали**! Прушевский понял, что это правда... [с. 46].

Наконец памятью, по Платонову, обладают не только люди, но и аутентичные предметы, сохраняя или восстанавливая *непрерывность* жизни.

(4) Непрерывно действующее чувство жизни Чиклина доводило его до печали, тем более что он увидел один забор, у которого сидел и радовался в детстве, а сейчас тот забор заиндевел мхом, наклонился, и давние гвозди торчали из него, освобожденные из тесноты древесины силой времени; это было грустно и таинственно, что Чиклин мужал, забывчиво тратил чувство, ходил по далеким местам и разнообразно трудился, а старик забор стоял неподвижно и, **помня** о нем, все же дождался часа, когда Чиклин прошел мимо него и погладил забвенные всеми тесины отвыкшей от счастья рукой [с. 50].

В 4-ом примере Платонов создает и описывает парадоксальную ситуацию, когда человек забыл о вещах, а они его помнят, т. е. переосмысливается субъект воспоминания.

С одной стороны, память выделяет человека из массы, делает его неповторимо индивидуальным, поскольку он несет с собой некий груз эмоционально окрашенного прошлого: родственные связи, привязанности, детство и юность, любовь, даже особое ментальное пространство воспоминания. С другой, память придает смысл существованию и сохраняет бытие всего в мире: человека и предмета. В этом смысле память отвечает за единство мира в представлении отдельного человека.

Воцев, устраиваясь на ночлег под открытым небом, обращается к опавшему листу. Становясь объектом воспоминания предмет и ситуация осмысляются как индивидуализированные.

(5) Ты не имел смысла жизни, — со скупостью сочувствия полагал Воцев, — лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и **помнить** [с. 23].

Этот же персонаж у Платонова носит с собой мешок, куда складывает всякие предметы.

⁷ *Большой толковый словарь русского...*, с. 777.

(6) Вощев забрел в пустырь и обнаружил теплую яму для ночлега; снизившись в эту земную впадину, он положил под голову мешок, куда собирал для **памяти** и **отмщения** всякую безвестность, опечалился и с тем уснул [с. 26].

Обращает на себя внимание контекстное соседство двух существительных *память* и *отмщение*, поскольку Вощев различные предметы коллекционирует не как личные воспоминания, а как своеобразные улики. Он неосознанно выступает как свидетель, случайно оказавшийся здесь и сейчас.

(7) Он собрал по деревне все нищие, отвергнутые предметы, всю мелочь безвестности и всякое беспамятство — для социалистического **отмщения**. Эта истершаяся терпеливая ветхость некогда касалась батрацкой, кровной плоти, в этих вещах запечатлена навеки тягость согбенной жизни, истраченной без сознательного смысла и погибшей без славы где-нибудь под соломенной рожью земли [с. 99].

Неслучайно в повести этот персонаж лишен смысла жизни, который он мучительно пытается обрести. Но он лишен и личных воспоминаний. В *памяти отмщения* нет психологической сложности и многогранности. Такая память управляется доминантой, подавляющей несущественное, с точки зрения субъекта, она направлена на нанесение ущерба обидчику. Сам образ обидчика у Вощева абстрактен, а конкретные черты обретает в зависимости от ситуации.

Психологи говорят о правдивых и ошибочных воспоминаниях. У Платонова же объектом воспоминания становится не личный опыт, а идея.

(8) Новые землекопы постепенно обжились и привыкли работать. Каждый из них придумал себе идею будущего спасения отсюда — один желал нарастить стаж и уйти учиться, второй ожидал момента для переквалификации, третий же предпочитал пройти в партию и скрыться в руководящем аппарате, — и каждый из них придумал себе идею будущего спасения отсюда — один желал нарастить стаж и уйти учиться, второй ожидал момента для переквалификации, третий же предпочитал пройти в партию и скрыться в руководящем аппарате, — и каждый с усердием рыл землю, постоянно **помня** эту **свою идею спасения** [с. 48].

В норме память связана с семантикой времени и в норме ориентирована на прошлое, однако Платонов меняет этот вектор.

(9) Близ мертвых в сельсовете активист опечалился вначале, но затем, **вспомнив новостроящееся будущее**, бодро улыбнулся и приказал окружающим мобилизовать колхоз на похоронное шествие, чтобы все почувствовали торжественность смерти во время развивающегося светлого момента обобществленья имущества [с. 73].

В 9-ом примере персонаж пытается сохранить в памяти образ несуществующего объекта, поскольку ситуация отнесена к плану будущего. Так память у ряда персонажей Платонова теряет индивидуальную природу, становится коллекцией предметов-улик, утрачивает конкретность и меняет временной вектор, обращенный в прошлое.

Теперь обратимся к группе *забвения*. Сюда же следует поместить и приемы глаголов *помнить* с отрицанием.

Следующий пример описывают утрату и индивидуального субъекта воспоминания и индивидуального прошлого.

(10) И глубока наша советская власть, раз даже дети, не **помня матери**, уже чуют товарища Сталина! [с. 57]

Пример 10 показывает, как с потерей памяти человек утрачивает семейные родственные связи: в новом устройстве семьи без матери, которая была идеологически чужда новому миру, верховное лицо государства Сталин заменяет кровное родство, получая неофициальный титул „отца народов”. Возможна и такая интерпретация: идея формирования большой семьи во главе с отцом народов требует забвения собственной „малой” семьи.

Условием утраты памяти становится тяжелый, приводящий человека в изнеможение, труд.

(11) Истомленный Козлов сел на землю и рубил топором обнажившийся известняк; он работал, не **помня времени и места**, спуская остатки своей теплой силы в камень, который он рассекал, — камень нагревался, а Козлов постепенно холодел [с. 31].

Платонов показывает, что утрата памяти влияет на формирование того коллективного начала, которое в советское время получило название *масса*.

(12) Радиомызыка все более тревожила жизнь; пассивные мужики кричали возгласы довольства, более передовые всесторонне развивали дальнейший темп праздника, и даже обобществленные лошади, услышав гул человеческого счастья, пришли поодиночке на Оргдвор и стали ржать. Снежный ветер утих; неясная луна выявилась на дальнем небе, опорожненном от вихрей и туч, — на небе, которое было так пустынно, что допускало вечную свободу, и так жутко, что для свободы нужна была дружба. Под этим небом, на чистом снегу, уже засиженном кое-где мухами, весь народ товарищески торжествовал. Давно живущие на свете люди — и те стронулись и топтались, **не помня себя** [с. 95].

Довольно пространный 12 пример описывает праздник коллектива, куда стекаются *пассивные, передовые* люди, превращающиеся в торжествующий народ, и обобществленные животные. Платонов избегает здесь индивидуализированного личного существительного *старика*, вместо которого появляется номинация *давно живущие люди*. Завершается это описание праздника предикатом с отрицанием, являющимся переосмыслением *самозабвенного танца*, но автор предлагают другую конструкцию и заменяет положительную коннотацию на отрицательную.

У Платонова мотивы памяти и забвения связаны с ощущением непрерывности жизни и со смертью. Забвение и есть метафора смерти, поскольку означает окончательное уничтожение всего, чего бы то ни было.

Строительство нового мира требует аскезы, отказа от себя, личной жизни — *самозабвенности* во имя участия общем деле и жертвы. Поэтому для персонажей повести *Котлован* важно именно забвение, память же рисует картины светлого будущего.

Забвение личных несчастий приходит в физическом усилии и коллективном труде.

(13) Чиклин, очутившись в густоте людей, **забыл** про все остатки своей жизни и так часто заработал ногами, что снег под ним исчез, а сырая земля высохла [с. 97].

Забвение же поглощает персонажей, делая обезличенными:

(14) Очнулся Чиклин первым, потому что вспомнил что-то насущное, но, открыв глаза, все **забыл** [с. 88].

Пример 15 затрагивает еще один аспект памяти и забвения: трагичность мира можно воспринимать, лишь когда стерты представления о тяжести жизни и страданиях, которые она приносит человеку. Фрагмент построен таким образом, что на роль субъекта оценки могут претендовать как персонаж, так и повествователь.

Наконец, забвение выступает как род анестезии, освобождая человека от утрат, боли в прошлом и страха перед будущим.

(15) Чиклин долго глядел в ликующую гущу народа и чувствовал покой добра в своей груди; с высоты крыльца он видел лунную чистоту далекого масштаба, печальность замершего света и покорный сон сего мира, на устройство которого пошло столько труда и мученья, что всеми **забыто**, чтобы не знать страха жить дальше [с. 96].

Для Платонова в *Котловане* усилие, направленное на сохранение воспоминания, является условием поддержания жизни. Память предстает как физиологическое явление, встроенное в систему рефлексов, а с другой стороны, рефлексы, освещенные памятью, приобретают осознанность. Выше мы говорили о том, что субъект памяти не обязательно антропоморфен. Платонов уравнивает животное и человека в способности помнить о необходимости жить (примеры 16, 17, 18).

(16) Оба глаза лошади забелели в темноте, она поглядела ими обоими и переступила ногами шаг вперед, не **забыв** еще от чувства боли жить [с. 85].

(17) Как вспомню, так вздохну, — слабо ответил человек. — А если **забудешь** дышать? — Тогда помру [с. 78].

(18) Хозяин потушил спичку, обнял лошадь за шею и стоял в своем сиротстве, нюхая по **памяти** пот кобылы, как на пахоте; народ не остановил своего всеобщего танца — он уже так привык к постоянному темпу радости, что топтался по **памяти** [с. 97].

Понятие памяти у Платонова ориентировано в прошлое как усилие по сохранению разрушенной жизни; память противостоит механическому, однообразному, устройству жизни в настоящем, а память будущего для персонажей писателя выражается в устремленности к идее или мечте.

Подведем итоги. Андрей Платонов показывает, что формирование нового субъекта — *массы*, требует деиндивидуализации, что выражается в отказе от памяти, которая сохраняет именно индивидуальный опыт человека и его интеллектуальное начало. Психологи связывают мнемонику со способностями

ми в ориентировке, категоризации и установлении межгрупповых связей⁸. Попытка замены индивидуальной памяти на групповую, как это выражено в тексте *Котлована*, приводит к обезличенности и неотрефлексированному персонажем чувству неуверенности, потере осмысленности жизни.

Библиография

- Bol'soj tolkovyj slovar' russkogo âzyka*, gl. red. S. A. Kuznecov, Norint, Sankt-Peterburg 2000.
 Bragina N. G., *Pamât' v âzyke ikul'ture*, Âzyki slavânskikh kul'tur, Moskva 2007.
 Mešerâkov B., Zinčenko V., *Bol'soj psihologičeskij slovar'*, https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/12.php.
 Nacional'nyj korpus russkogo âzyka, ruscorpora.ru.
 Platonov A., *Kotlovan. Tekst. Materialy tvorčeskoj istorii*, red. N. A. Groznova et al., Nauka, Sankt-Peterburg 2000.
Tolkovyj slovar' russkogo âzyka, red. D. N. Ušakov, t. 3, Terra, Moskva 1996.
 Zinčenko T. P., *Pamât' v èksperimental'noj i kognitivnoj psihologii*, Piter, Moskva–Har'kov–Minsk 2002.

Memory and Oblivion in Andrey Platonov's Story *The Pit (Kotlovan)*

Summary

The article deals with the semantics of memory and oblivion, expressed in verbs: *to remember*, *to forget*. Memory involves only the individual nature of the process. If the subject is expressed in the plural form, it presupposes the presence of the same individuals in a situation imprinted on the memory. The article analyzes the processes of memorization and oblivion, as reflected in Andrey Platonov's story *Pit (Kotlovan)*. On the material of the Russian National Corpus, the frequency of verbs *to remember*, *to forget* and the nature of constructions with them is revealed: *to remember* is used 31 times, 6 — with negation, *to recall* — 34 times, noun *memory* — 12 times; *to forget* — 31 times, 4 of them with negation, the noun *oblivion* — twice. Platonov shows that the formation of a new subject — *the mass*, requires deindividualization, which is expressed in the rejection of memory, which preserves precisely the individual experience of a person and his intellect.

Keywords: collective memory, deindividualisation, individual experience, disorientation

⁸ Б. Мещеряков, В. Зинченко, *Большой психологический словарь...*

Пamięć i zapomnienie w opowieści Andrieja Płatonowa *Wykop*

Streszczenie

W artykule rozpatruje się semantykę terminów „pamięć” i „zapomnienie”, wyrażonych czasownikami *mniemać*, *przypominać sobie*, *przypomnieć sobie*, *zapomnieć*, *zapominać*. Analizowane są procesy pamięci i zapomnienia w opowieści Andrieja Płatonowa *Wykop* (Котлован). Narodowy Korpus Języka Rosyjskiego pozwala na określenie częstotliwości występowania czasowników i rzeczowników w tym tekście: jest w nim 17 użyć czasownika *pamiętać*, z tego 6 z negacją, *przypominać sobie* występuje 2 razy, *przypomnieć sobie* — 12 razy, *pamięć* — 14 razy, *zapominać* — 3 razy, konstrukcja z negacją z tym czasownikiem nie występuje, *zapominać* wystąpiło 31 razy, z tego 4 z negacją, *zapomnienie* — 2 razy. Andriej Płatonow ukazuje kształtowanie się nowego podmiotu (masy ludzkiej), który ma zbiorową, nieindywidualną istotę. Znajduje to wyraz w rezygnacji z ukazania takiego rodzaju pamięci, która zakłada oparcie wyłącznie na indywidualnych doświadczeniach człowieka i związana jest z jego świadomością.

Słowa kluczowe: pamięć zbiorowa, deindywidualizacja, doświadczenie indywidualne, dezorientacja